

[Наш институт](#) ▶

[Абитуриент](#) ▶

[Студент](#) ▶

[Преподаватель](#) ▼

[Воспитание детей и юношества](#)
[Центр наставничества](#)
[Воспитательная система](#)
[Лаборатория проблем социализации](#)
[Кафедры](#)
[Психологическая служба](#)
[Персональные странички](#)
[Поганкин](#)
[Глазков](#)
[Павловец](#)
[Алексеев](#)
[Статьи](#)
[Стихи](#)
[Проза](#)
[Друзья](#)

Семантические и стилистические функции церковнославянизмов в произведениях С. Калугина и А. Башлачева.

Термин **церковнославянизм** является обиходным для научно-исследовательской, вузовской и школьной практики. При этом церковнославянское влияние на современный русский литературный язык рассматривается преимущественно на материале классической русской литературы, литературы XX века, а при анализе конкретных явлений привлекается по большей части грамматический уровень языка и в меньшей степени фонетический. Влияние церковнославянского языка на лексическом уровне рассматривается, на наш взгляд, ограниченно. Но в целом традиция исследования церковнославянских элементов в русской художественной речи чрезвычайно богата. Это связано с тем, что роль церковнославянских элементов, церковнославянского стиля, церковнославянских смысловых и оценочных коннотаций очень велика в истории русской классической литературы. Повторимся, что церковнославянские элементы могут проявляться на различных уровнях. Для фонетического уровня примером может служить произношение ударного *e* перед твердым согласным на месте собственно русского *o*: осужденный, побежден. Замечательным примером грамматического церковнославянизма является окончание *-ья* в родительном падеже женского рода имен прилагательных; ср. классическое пушкинское *...и жало мудрыя змеи*. Наконец, на лексическом уровне церковнославянское влияние может проявляться весьма разнообразно. Как правило, оно обнаруживается в существовании пар слов, одно из которых является русским по происхождению, а второе – церковнославянским (и в большинстве случаев восходит к старославянскому). Ср. палец – перст, говорить – глаголить. Отметим, что возникновение многих таких пар связано с

различными путями фонетических преобразований у восточных и у южных славян, то есть с точки зрения диахронии подобные церковнославянизмы также могут быть отнесены к фонетическому уровню. Наиболее распространенным и известным примером таких пар являются слова, противопоставленные по признаку полногласия – неполногласия: ворота – врата, берег – брег. В период существования русского церковнославянского языка возникли новые фонетические процессы, противопоставившие живой язык книжному. Помимо упоминавшегося выше изменения ударного е здесь следует отметить многочисленные явления, связанные с судьбой редуцированных: в церковнославянском языке даже слабые редуцированные могут сохраняться в написании и произношении. Так возникли новые пары русских – церковнославянских слов. Для последующей судьбы всех указанных противопоставлений принципиально важным является тот факт, что еще до окончательного формирования норм современного литературного языка начинается семантическая и стилистическая дифференциация русизмов и церковнославянизмов, ср. в современном языке: порох – прах, город – град, небо – небо, воскресенье – воскресение, окончания творительного падежа единственного числа женского рода -ью – -ию. Именно произошедшей дифференциацией, приспособлением церковнославянизмов к употреблению в среднем стиле объясняется их способность выполнять в русской художественной литературе различные семантические и стилистические функции.

Вопрос о путях адаптации церковнославянизмов в литературном языке исследовался в современной лингвистике достаточно подробно. Традиции использования церковнославянизмов в русской художественной речи были в основном заложены А.С. Пушкиным, и именно в его творчестве можно обнаружить наиболее разнообразное и осознанное употребление церковнославянских элементов. Как отмечал В.В. Виноградов, в ранних стихотворениях А.С. Пушкина церковнославянизмы еще являются отражением прежних норм литературного языка (как и у многих поэтов первой трети XIX века). Однако постепенно происходит отказ от такого употребления церковнославянских элементов. У зрелого А.С. Пушкина церковнославянские выражения выполняют строго определенные функции. Отметим, в частности, их использование, с одной стороны, в религиозной лирике, а с другой, для литературной стилизации народной поэзии. Последнее следует считать весьма показательным парадоксом, если учесть исторически

существовавшее стилистическое противопоставление фольклора и книжной словесности.

Возникает вопрос: насколько актуальны пушкинские традиции освоения церковнославянского языкового богатства для современной русской поэзии, для современного литературного языка? Анализ ряда современных авторов показывает, что эти традиции не только сохраняются, но и получают активное развитие. В стихотворениях Сергея Калугина, творчество которого можно при желании отнести к так называемой «рок-поэзии», церковнославянские элементы присутствуют чрезвычайно широко. Рассмотрим их функционирование в стихотворении «Рассказ Короля-Ондатры о рыбной ловле в пятницу».

Брат мой, с ликом птицы, брат с перстами девы,
Брат мой!
Брат, мне море снится, черных волн напевы,
Брат мой...

В данном отрывке употреблены сразу два церковнославянизма: существительные лик и перст. Последнее, чрезвычайно архаичное для современного языка, выполняет чисто стилистическую функцию, позволяя маркировать указанный текст как стихотворение «высокого», а точнее, религиозного содержания. И в результате такой жанрово-стилистической отнесенности произведения существительное лик получает возможность выполнить свою семантическую функцию, выразить не денотативно направленное, предметное значение, но значение символическое, концептуально насыщенное. Лик птицы в данном контексте – это не столько лицо, названное традиционным поэтическим словом (ср. дефиниции в академических словарях), а скорее внутренняя сущность, духовный, метафизический облик персонажа. Такая трактовка абсолютно согласуется с общим смыслом стихотворения, содержащим не внешнюю, событийную интригу, а развертывание мифологического, то есть сущностного сюжета. При таком понимании употребленные далее в тексте слова старец, отведать, кропить раскрывают все богатство своей семантики, переполненной церковными коннотациями. Старец – не просто старый человек, но хранитель сакрального знания. Отведать – не просто попробовать на вкус, но прикоснуться к сущности, получить знание, причаститься. Кропить – не просто брызгать, но совершать обряд. Рассмотренный нами прием повторяется в тексте неоднократно.

Се, влекомый нашей схваткой
 правит путь свой в вышине
 и горят четыре зрака на глазу, что зрит вовне...

Здесь архаичное местоимение *се*, употребленное в значении частицы, выполняет функцию стилистического маркера, а последующее существительное *зрак* не только вносит определенную стилистическую окраску, но и выражает символическое, «над-предметное» значение. Именно этим объясняется противопоставление метафизического *зрака* обычному, чувственно воспринимаемому глазу. И далее в тексте употребляется классический церковнославянизм, отражающий древнюю, соответствующую мягкой разновидности склонения, форму винительного падежа. И вот мне вонзились в лице Четыре зрачка на сверкающем круге... Употребление такого варианта определяется не столько необходимостью соблюсти рифму (в кольце), как может показаться неискушенному читателю, сколько возможностью выразить символический смысл: взгляд Властителя вонзается именно во «внутреннее лицо» персонажа.

Поэтические приемы, рассмотренные нами на примере данного произведения, встречаются и в других стихотворениях С. Калугина. Ср.: Я плыл по рекам, но не дал названья Ни берегу, ни камню средь стремнин. Церковнославянизм *средь* в данном случае выполняет стилистическую функцию, подчеркивая религиозную, метафизическую направленность стихотворения. Ср. далее церковнославянское выражение в той же функции: Лишь дельты вид мне отомкнул уста... В следующем стихотворении глагол *проницать* выполняет одновременно и стилистическую, и семантическую функцию. Ср.:

Я проницаю горы и лоцины,
 Я различаю сущности стихий,
 Схлестнувшиеся в танце теургий
 И каждый миг являющие Сына...

Проницать – глагол, позволяющий в данном контексте неразрывно совместить конкретное и абстрактное значения слова. Интересно отметить употребление здесь орфографического церковнославянизма. Использование прописной буквы позволяет высвободить символическое, религиозно ориентированное значение слова *сын*. Далее в этом же стихотворении употреблено уже рассмотренное слово *се*:

Се, время правды. Суть обнажена,
И льется в полночь полная Луна,
И плоть моя не властна надо мной...

Использование данного местоимения подчеркивает религиозную направленность текста, и это, в свою очередь, позволяет существительному плоть в данном случае также выступать в качестве церковнославянизма, но церковнославянизма особого типа – семантического. В связи с этим следует рассмотреть вопрос о статусе лексем, не имеющих фонетических или грамматических признаков церковнославянизма, но обозначающих реалии церковной жизни или религиозного бытия. Напр.: молебен, псалом, ангел, апостол, лжица и т.д. Ср. у С. Калугина: Так прими, проколи мне хребет копием Почерпни меня лжицей Пролей мою душу В прогорклые соты столетий . В.В. Виноградов рассматривал подобные слова в ряду других церковнославянизмов, употребленных у А.С. Пушкина. Другие возможные пути интерпретации таких лексем – рассмотрение их в качестве слов, обладающих ярко выделенным национально-культурным компонентом значения или в качестве языковых единиц, принадлежащих к церковному (церковно-проповедническому) стилю литературного языка. Следует полагать, что все эти подходы не противоречат друг другу. Если же мы будем рассматривать понятие церковнославянизма в широком смысле, то без сомнения сможем отнести представленные слова к семантическим церковнославянизмам, то есть к лексемам, чьи значения формировались под влиянием церковнославянского языка, в границах религиозно-церковной семантической и символической сферы. Сложнее обстоит дело с такими лексемами, как церковь, вера, Христос, Бог. Они широко употребляются в современном литературном языке и часто встречаются за пределами собственно церковных текстов. Однако существует разница их употребления в различных контекстах. Мы полагаем, что следует особо выделять случаи, когда подобные слова выражают символическое, концептуально ориентированное значение, как, в частности, в приведенных выше примерах с существительными сын, плоть. В некоторых случаях на употребление слова в символическом значении могут указывать особенности написания: ср. Бог и бог. О существовании символических значений и их высокой роли в построении высокого стиля пишет В.В. Колесов. Он же отмечает, что высокий стиль русского литературного языка, в том, по крайней мере, классическом виде, который он имел в XIX

веке, “основан на церковнославянских текстах”. По-видимому, само существование высокого стиля возможно лишь в условиях противопоставления сакральной и профанной сфер языка, а на уровне семантики – в условиях противопоставления символического и денотативного значений. Для русского литературного языка является исторически сложившимся фактом то, что высокий стиль организуется при активном воздействии церковнославянских языковых элементов. Именно поэтому при создании текстов сакральной, религиозной направленности используются, в том числе и в современной поэзии, церковнославянизмы, в частности, семантические церковнославянизмы. К последним следует, возможно, относить и слова плоть, вера, Бог – в тех случаях, когда они в определенном контексте выражают символическое значение.

Однако интересным и парадоксальным фактом современного литературного языка является то, что с церковнославянизмами сближаются по своим функциям лексемы, никогда не имевшие никакого отношения ни к церковнославянскому, ни к старославянскому языкам. Речь идет о словах, являющихся собственно русскими архаизмами или историзмами и/или обладающих народно-поэтической стилистической окраской (традиционный пример – шелом). Например, слово витязь, являясь устаревшим, не зафиксировано в старославянских текстах. Однако в определенных современных контекстах оно выполняет те же семантические функции, что и традиционные церковнославянизмы. Ср. у С. Калугина:

Я рыбы отведал, и пали покровы,
Я видел сквозь марево дня,
Как движется по небу витязь багровый,
Чье око взыскует меня.

Именно с этой точки зрения следует рассматривать стилистику некоторых стихотворений А. Башлачева. Для этого поэта совершенно нехарактерно употребление церковнославянизмов в узком смысле этого термина. Но в его произведениях, отчетливо мифологических, ориентированных на сакральные смыслы, построенных на серьезных символических рядах, достаточно часто используются семантические церковнославянизмы. Напр.: ангел, Рождество («Рождественская»), Бог, ладан, святая вода, обет, Пилат («На жизнь поэтов»). Однако преобладающим способом выразить сакральный, религиозно-возвышенный характер стихотворения является для

А. Башлачева использование архаизмов, обладающих достаточно часто народно-поэтической окраской. Ср. в упомянутом выше стихотворении «На жизнь поэтов»: Поэты в миру после строк ставят знак кровоточия. К ним Бог на порог. Но они верно имут свой срам. Или в другом тексте: Спи, дитя мое, люли-люли! Некому березу заломати. В первом случае творчески преобразованный устаревший фразеологизм (мертвые сраму не имут) стилистически обогащает текст и создает образность, позволяющую соотносить поэтический труд с религиозным служением. Во втором примере финальная строчка стихотворения придает национальный характер переживаниям и духовному напряжению лирического героя.

Если С. Калугин стилистически ориентирует свои стихотворения на церковнославянские тексты, то объектом стилизации А. Башлачева является традиционный русский фольклор. Однако цель в обоих случаях одна: описание сакральной реальности, раскрытие в лексической семантике символического уровня. В этом смысле показательно стихотворение А. Башлачева «Ванюша». Оно начинается фольклорным зачином (стилизиция на синтаксическом и словообразовательном уровнях), сразу выводящим читателя в иную реальность. *Как ходил Ванюша бережком вдоль синей речки, как водил Ванюша солнышко на золотой уздечке...* Далее в тексте неоднократно используются стилистически окрашенные языковые средства: *Надорвались... Не сестра да не жена, да верная отдушина...* *Как весь вечер дожидалося Ивана у трактира красно солнце.* В последнем примере краткое (усеченное) прилагательное выполняет не только стилистическую, но и семантическую функцию, позволяет выразить символическое значение словосочетания. Характерно, что в этом стихотворении А. Башлачева в том же символическом значении, что и у С. Калугина, хотя и в совершенно ином контексте, употреблено слово *плоть*:

Вот то-то вони из грязной плоти:
- Он в водке тонет, а сам не плотит!

Здесь, однако, символика создается не за счет редукции денотативного компонента значения, а за счет совмещения и в то же время заостренного противопоставления символического и денотативного компонентов; этим же обусловлена семантическая игра дух – вонь (плоть должна бы противопоставляться на символическом уровне духу, однако вместо этого слова употреблен “опошляющий” синоним вонь).

В заключение можно заметить, что активному употреблению церковнославянизмов в стилистической функции у С. Калугина противопоставлено практическое их отсутствие в этом качестве у А. Башлачева. В последнем случае, однако, ту же функцию маркирования текста как сакрального выполняют языковые средства с народно-поэтической стилистической окраской. Но конечной целью одинаково является раскрытие символического значения слов и выражение религиозных концептов. Но если С. Калугин отражает скорее эзотерическое понимание христианства, то стихотворения А. Башлачева в большей степени ориентированы на народное православное сознание.

[Карта сайта](#) | [Карты проезда](#) | [Телефоны](#)

Все права защищены © 2001—2004, Московский гуманитарный педагогический институт
103051 Москва, Садовая-Самотечная д. 8
Замечания и предложения направляйте по адресу mail@mhpi.ru